

ПАУЛЬ АЛВРЭ (Вильянди)

О МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ НА *i* В ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс образования форм множественного числа в современном водском языке весьма сложен. Исходное множественное число на *i* во многих типах слов вытеснено множественным числом на *i* с сильной степенью чередования и формами с признаками $a \sim \ddot{a}$, $loi \sim löi$, $lai \sim läi$. Детальный разбор всех пяти типов множественности — слишком обширная тема для одной статьи, поэтому ограничимся здесь главным образом множественным числом с признаком *i*. В первую очередь будут рассмотрены те падежи, звуковое оформление которых отличается от множественного числа на *i* с сильной степенью чередования, например, адесс. *sepillä* — *seppillä* 'у кузнецов', элат. *sepissä* — *seppiissä* 'из кузнецов' (наоборот, ген. мн. ч. *seppiĵe*, *seppi*, парт. *seppiä*, *seppitä*, илл. *seppišē* в обоих типах склонения одинаковы).

При исследовании форм множественного числа водского языка наиболее целесообразно односложные слова рассматривать отдельно от дву- и многосложных. При различении падежей множественного числа последних отдельно рассмотрим слова с основами на *a*, *ä*, *e*, *i*, *u* ~ *ü* и *o*, *oi*, *ei*, останавливаясь при необходимости и на стяженных именах. Сравнения с формами множественного числа на *i* с сильной степенью чередования помогают лучше выявить формальные признаки исходного множественного числа на *i*.

Односложные именные основы

За рабочую гипотезу примем общепризнанную точку зрения о том, что основа множественного числа односложных слов в прибалтийско-финском праязыке оканчивалась дифтонгом *ai*, *oi*, *ui*, *äi*, *ei*, *öi* или *üi*. Долгий гласный основы слова стал кратким, очевидно, уже в период прибалтийско-финских и саамских связей ($m\ddot{a}-i > mai-$).¹ Иной точки зрения придерживался В. Штейниц, по теории гласных которого, здесь сохранился первоначальный краткий гласный.² Основа множественного числа отчетливо отличалась от основы единственного числа уже в прибалтийско-финском праязыке (ед. $*m\ddot{a}-$ — мн. $*mai-$). Признак множе-

¹ L. Hakulinen, Suomen kielen rakenne ja kehitys, Helsinki 1961, стр. 37.

² W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm 1944, стр. 118.

ственного числа не оказал влияния только на слова, оканчивающиеся дифтонгом или *i*, при склонении которых разница между единственным и множественным числом полностью отсутствовала (например, *pitä, *koita, *täitä).

Признак множественного числа в односложных словах водского языка сохранился во всех падежах, за исключением генитива и развизшегося на его основе комитатива (у личных местоимений и аккузатива); например, VKG *maisē* 47 'в земли', *täissi* 47 'во вши', VKÄH¹ *öitä* 126 'ночи', *töitä* 126 'работы', NVK *puita* 85 'деревья', VKTO I *maiz* 53 'в землях', VM *neillä* 31 'этим', VRMK *näillä elivät* 161 'у них были', VL *meillä* 46 'у нас', WE *meill eli* 209 'у нас был', WS *näillä* 6 'у них', VH *muilõõ mailõõ* 50 'на другие земли'. В генитиве (соответственно в аккузативе и комитативе) признак множественного числа *i* исчез в результате изменения дентального спиранта δ : *meiden > *mejjen* > *medjē* > *meddē*. Признак множественного числа *i* отсутствует и в некоторых местоимениях с генитивом на *nden, где, очевидно, его никогда не было; ³ например, VKG *nännē* 61 'их', *ninnē* 65 'этих', WG *munnē* 44, 50 'прочих', VH *nānee* 69 'их'.

В восточноводском диалекте у слов с основой множественного числа на *öi* первый компонент дифтонга стал узким: KKI *vüitä* 'поясы', VKÄH¹ *üitä* 126 'ночи', MGB *tüitä* 286 'работы'. Очевидно, мы имеем здесь дело с влиянием форм единственного числа *vü* 'пояс', *ü* 'ночь', *tü* 'работа', в результате чего был устранен дифтонг *ei* (*veitä и др.).⁴ По поводу слова *nagrizmō* 'поле репы' (в партитиве мн. числа *nagrizmoita*) Л. Кеттунен считает, что в безударном положении *a* изменилось в *o* под влиянием предшествующего билабиального согласного *m*.⁵ Так как в водском языке, как и в эстонском, слово *mō* употребляется для обозначения возделанной земли (ср. также вод. *taramō* 'садовая земля', *uramō* 'поле бобов'⁶), мы имеем дело, очевидно, не со словом *mā*, а с самостоятельным субстантивом *mō*, который между прочим стал основой для образований на *isa: вод. *meiza* 'поместье' и эст. *mõis*.⁷

В односложных основах обращает на себя внимание тот факт, что характерные для дву- и многосложных именных основ способы образования множественного числа позднего происхождения отсутствуют в водском языке вообще. Сохранение исходного множественного числа на *i* обусловлено ударением. Важно знать, что второй компонент дифтонга *i* в слоге с главным ударением не изменился и в других формах (например, *sein* 'ел', *vein* 'нес', *poika* 'сын', *päivä* 'солнце' и др.).⁸ Совершенно иным было развитие дифтонгов в последующих слогах дву- и многосложных слов, чем косвенно обусловлено сохранение исходного множественного числа на *i* или замена формами позднего происхождения.

³ L. Posti, Eräs itämerensuomalainen genetiivimuodostus. — Vir. 1937, стр. 282 и сл.; P. Alvre, Pronoomenite iseärasusi. — ESA II 1965, стр. 205.

⁴ L. Kettunen, Vatjan kielen äännehistoria, Helsinki 1930, стр. 136.

⁵ Там же, стр. 130.

⁶ E. N. Setälän vatjalaisuistiinpanot. Painokuntoon toimittaneet ja julkaisseet Lauri Posti ja Seppo Suhonen (= MSFOu 135,4), Helsinki 1964, стр. 84, 89.

⁷ P. Ariste, *Moo* ja *mõis*. — ESA II 1965, стр. 105 и сл.

⁸ См. L. Kettunen, Vatjan kielen äännehistoria, стр. 134—136; L. Kettunen, Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet (= MSFOu 119), Helsinki 1960, стр. 60.

Дву- и многосложные именные основы

При рассмотрении дву- и многосложных слов водского языка следует исходить из основы множественного числа на дифтонг или *i* (*jalʹoi-sta, *silmi-stä). Второй компонент дифтонга *i* в безударном положении вообще исчез, а в слоге с второстепенным ударением сохранился.⁹ Отсюда вытекает критерий, согласно которому формы множественного числа *akanoissa* 'из мякин', *sürimoissa* 'из круп' и др. можно рассматривать как закономерное выступление множественного числа на *i*, а формы *adroilla* 'на плугах', *sebreilē* 'друзьям' и др. нельзя. Дифтонг *oi*, *ei* в последних вторичен (происходит из генитива и партитива множественного числа), вследствие чего эти случаи относятся к группе так наз. множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования. Дифтонг основы множественного числа всех стяженных имен тоже вторичен, но тип склонения у них такой же, как у множественного числа на *i* (*ōneissa* < *hōnehista 'из комнат', *kallilla* < *kallihilla 'у дорогих'). Наоборот, формы на *ī* нестяженных имен, выступает ли *ī* в безударном положении или в позиции второстепенного ударения, могут принадлежать лишь к группе множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования, но никак не к группе исходного множественного числа на *i* (*silmissä* 'из глаз', ср. *silmissä*). Это обстоятельство особенно важно учитывать, разбирая слова без чередования ступеней, где различение типов основывается только на конечных звуках основы множественного числа.

Основы на *a**oi*-евое множественное число

oi-евое множественное число, представленное в двусложных словах водского языка типом на *o*, относилось первоначально лишь к тем словам, первый гласный которых не был *o* или *u*. В трехсложных водских словах дифтонг *oi* (сменивший более ранний *i*, может быть, уже на последнем этапе прибалтийско-финского праязыка) сохранился, в четырехсложных словах, как и в двусложных, его заменил *o*.

Безударное положение. Сохранение множественного числа на *i* в ограниченной степени можно отметить лишь в западноводском диалекте: VRMK Ма *palossi* 156 'на части', LK Кат *katti on jalgoza* 'кошка мешает', ком. *jalkonā*, Ма *kanolē* 'курам', Kōrv *sigolē* 'свиньям', Jarv *adroilla* 'на плугах', Pih *jalgossa* 'о ногах'; в четырехсложном LK Ма *nättünikolē* (: *nättünikka*). В инструктиве вместо *o* выступает *ō* (< *on*): VKÄH² *aivō* 162 'сплошь, очень', *vasō* 162 'против', *nīsamō* 162 'также'. В говорах встречается и *ō* > *üō*: VM Lem *aivüō kavala* 5 'очень хитрый'. Ударное положение. Основа множественного числа оканчивается как в западно-, так и в восточноводском диалекте сохранившимся дифтонгом *oi*: западновод. NVK *katagoiš* 73 'из можжевельников', VKÄH¹ *akanoissa* 153 'из мякин', VKÄH² *säppagoiza* 169 'в сапогах'; восточновод. LK *karsinoiza* 'в дворниках', NVK Itš *markkinoilē* 134 'на ярмарки'.

Для сравнения заметим, что в случае множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования при всех положениях ударения основа оканчивается на *oi* (в некоторых говорах в двусложных словах бывает

⁹ L. Kettunen, *Vatjan kielen äännehistoria*, стр. 160 и сл.; L. Kettunen, *Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet*, стр. 60—61.

и $\bar{o} < oi$), например, в безударном положении западновод. VKG *jalkoissa* 48 'о ногах', в четырехсложном LK *Kat nättünikkoile* (: *nättinikka*); восточновод. LK *Mañ rantoilla* 'на берегах', *sikkoilla* 'у свиней'; в ударном положении западновод. VKÄH¹ *jaššikkois* 152 'из почтовых ящиков', VL *Jög kannikkoile* 45 'ломтям'. $oi > \bar{o}$: западновод. LK *Ma lautölle* 'на столы', восточновод. VKÄH¹ *Kos, Itš adrõssa* 158 'о плугах'.

ei-евое множественное число

ei-евое множественное число мы ожидаем у тех двусложных слов, гласный первого слога которых *o* или *u*.¹⁰ В многосложных словах водского языка основа множественного числа выражалась с самого начала окончанием *ei*, хотя в настоящее время вполне обычен вариант на *i* ($< ei$).

Безударное положение. Основу множественного числа на *e* употребляют только в западноводском диалекте и то не повсеместно¹¹, например, VKÄH¹ *munõna* 154 'в виде яиц', NVK *kervessa* 34 'из ушей', LK *Kat ezrena* 'в виде ячменей', *nokkeza* 'в клювах', *Jagv poigelle* 'сыновьям'. Ударное положение. Дифтонг *ei* (в записях П. Аристэ также *ei*) сохранился как в западно-, так и в восточноводском диалекте; западноводские примеры заимствованы из народных песен: западновод. SKVR IV:3 *laulaieile* 4798:33 'певцам', *liukuieile* 4798:32 'катающимся', VL *Lem kallit kazvattelieita* 9 'дорогих воспитателей'; восточновод. LK *kukkuleita* 'темен'. Положение после *j* может свидетельствовать о развитии *ei* $>$ *ei*, откуда он с легкостью мог развиться и дальше: западновод. SKVR IV:3 *kantajeissa* 4615:19 'о носильщиках', *wõttajeita* 102:17 'берущих', МГВ *soldateila* 253 'у солдат'.

Если основа множественного числа на *i* оканчивается на *e* или дифтонг *ei* $\sim$ *ei* $\sim$ *ei*, то формы сильной основы характеризуются при любых положениях ударения *ei* (в двусложных по говорам также $\bar{e} < ei$), например, в безударном положении западновод. WS *Pum sepeis* 30 'об одеждах', восточновод. LK *Mañ poikeilla* 'у сыновей'; в ударном положении восточновод. LK *lizikkeilla* (: ед. число *lizikkalla*) 'у ложек'; нужно отметить, что несмотря на *i* в предыдущем слоге здесь не выступает *oi*-евое множественное число, как, например, в финском слове *lusi-koilla* 'у ложек'. $ei > \bar{e}$: западновод. VKÄH¹ *Ma munnõlta* 158 'от яиц'; восточновод. LK *Mañ poikeilta* 'от сыновей'.

В самых западных водских говорах (Jögõperä, Kukkuzi), которые испытали сильное влияние ижорского языка (наверно, в отношении их было бы вернее говорить о смешанном водско-ижорском языке¹²), вместо *ei*-евого множественного числа употребляются формы на *i*, напри-

¹⁰ Развитие основы мн. числа слов на *a* в прибалтийско-финском праязыке зависело на раннем этапе от гласного первого слога, поэтому произошедшие параллельно изменения $a > e$ и $a > o$ названы *balanssi-ilmio* (см. E. Itkonen, *Varhaiskantasuomen päärainottoman ai-diftongin kehityksestä*. — Vir. 1942, стр. 605).

¹¹ Вводит в заблуждение утверждение Э. А. Тункело о том, что *e* здесь — эстонское заимствование [Päärainottoman lyhyen ja pitkän i:n vaihtelusta Itämeren-suomalaisissa kielissä (= Eripainos «Suomi» V, 20:stä), Helsinki 1938, стр. 81].

¹² A. Laanest, *Isuri murrete rühmitamisest*. — KKIU VI, Tallinn 1961, стр. 215.

мер, LK Jōg *ehsile* 'ветвям', NVK Kuk *kovvi* 176 ($i < in$) 'очень'. Однако формы на *i* можно встретить и в других говорах водского языка, особенно в слове *ema* 'свой', где под влиянием *m* могло произойти самостоятельное развитие $ei \gg i$: западновод. LK Kat *emia* 'своих', NVK Pum *emise* 96 'в свои'; восточновод. NVK Itš *emmia* 122 'своих', LK Klii *poiki* 'сыновей', *kumpi* 'которых'. В инструктиве $in > i$: VM Lem *kevi nagrama* 26 'очень смеяться'. В отдельных говорах основа множественного числа на *i* вполне обычна и в ударном положении, где *i*, очевидно, первоначально принадлежал к случаям, когда он следовал за лабиальным звуком, например, западновод. WS Pum *neleril* 35 'у обоих', WE Pum *tuntemoittomissv* 79 'из неизвестных', VM Lem *palaviš pdivi* 9 'в жаркие дни', LK Kat, Pih, Ild *vanapidje* 'старших', *nörepidje* 'молодых'.

Для множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования характерен i или в некоторых говорах возникший вследствие его сокращения i , но никогда не *i*, например, в безударном положении западновод. NVK *poikiłte* 37 'от сыновей', четырехсложное VKÄH² *ennetto-miłe* 169 'несчастливым'; в ударном положении западновод. VKÄH² *sattajile* 169 'сопровождающим'. $i > i$: западновод. VM Luu *poikil* 85 'у сыновей', NVK Jōg *omilla* 27 'у своих', NVK Jōg *meleris* 145 'об обоих'.

Что касается взаимоотношений *oi*-евого и *ei*-евого множественного числа в основах на *a*, то Л. Кеттунен в своей работе «Историческая фонетика водского языка» предполагает, что причиной изменения $oi > ei$ послужил, кроме гласных первого слога *o* и *u*, также звук e .¹³ Так, вопрос можно было бы рассматривать с точки зрения дескриптивной грамматики (как это делает, например, П. Аристе в «Грамматике водского языка»¹⁴), а не с позиций исторической фонетики. В водском языке к словам с гласным e прежде всего относится группа таких существительных, у которых e в первом слоге имеет позднее происхождение и в прибалтийско-финском праязыке соответствует ему *o*, например, *ezrena* 'в виде ячменя', *kervessa* (ср. фин. *korvista*) 'об ушах', *ehseissa* 'о ветвях'. Во-вторых, к словам на e относятся такие, гласный первого слога которых представляет собой непосредственное продолжение e (или e) прибалтийско-финского праязыка, например, западновод. VKÄH¹ *sebrele* 153 'друзьям', NVK *pedrei* 112 (ср. фин. *peuroja*) 'лосей'; восточновод. LK Mah *sebreita* 'друзей', *kerteita* (ср. фин. *kertoja*) 'порядки', *elmeita* (ср. фин. *helmoja*) 'подолы'. Нет сомнения, что основа множественного числа на ei у последних аналогична. Более оригинальное склонение на *oi* отражается еще, например, в восточноводской форме LK Mah *sebroita* 'друзей'. Так как данные других прибалтийско-финских языков не позволяют во множественном числе с признаками ei и *i* у основ на *a* рядом с гласными первого слога *o* и *u* ставить e , в водском языке правильнее предположить, что слова *sebrele*, *pedrei* и др. из-за сходства гласного первого слога смешались по аналогии с существительными типа $o > e$: *ezrena*, *kervessa* и др. Местами в словах на e проявилась противоположная тенденция обобщения, где первоначальный ei в основе множественного числа сменил *oi*, например,

¹³ L. Kettunen, *Vatjan kielen äännehistoria* (= Eripainos aikakauskirjasta «Suomi»), Helsinki 1915, стр. 157.

¹⁴ P. Ariste, *Vadja keele grammatika*, Tartu 1948, стр. 44.

NVK *neitoi* 36 (ср. фин. *noitia*) 'колдунов', *ghjoi* 43 'вожжи', *sepoit* ~ *sepoi* 19, 29 'одежды'; источником аналогий послужило здесь первоначальное существительное с *oi*-евым множественным числом *seña*: *se-noissa* 'слово : о словах'.

Следует отметить, что кажущаяся замена признака *oi* признаком *e(i)* произошла также в некоторых формах инструктива, превратившихся в наречия, например, VKÄH² *tänē* 162 'недавно', *arvē* 162 (< *harvoin) 'редко'. Здесь *o* безударного слога превратилось в *e*, это превращение коснулось и имперфекта глаголов (например, *nagren* '(я) смеялся', *лаилер* < *lauloit '(они) пели').

Стяженные именные основы

К стяженным именам с основой на *a* относятся прилагательные на *eda* и существительные, которые склоняются также, как эти прилагательные, и именительный падеж единственного числа которых в настоящее время имеет окончание *ea*, например, *valkea* (< *valkeda) 'белый', *takea* 'сладкий', *nilkea* 'слизистый', *epea* ~ *eŕpea* 'серебро' и др.

Основа множественного числа имен на *eda* оканчивается дифтонгом *ei*, что позволяет непосредственно реконструировать основу на *i*, а не на *ei* (хотя существование последней не кажется невозможным: **kerkeði-* ~ **kerkedei-* > *kerkei-*); например, западновод. VKÄH¹ *kerkeilē* 148 'высоким', VKTO I *valkeil* 52 'у белых', VKG *valkeissa* 50 'из белых', восточновод. LK Маh *eikeita* 'правильных', *sekkeita* 'слепых'.

В кракольском говоре (Jögörögä) наряду с первоначальной основой на *ei* довольно часто встречается основа на *ai*, причем базой склонения служит номинатив ед. числа, который оканчивается на долгий *a*, например, VKG *valkä*: *valkaisse* 50 'белый : о белых'. В отдельных случаях в том же говоре можно встретить и основу мн. числа на *oi*, например, NVK *valkojē* 147 'белых'. В последнем случае (ном. ед. числа *valkä*) произошло смешение с первоначальными двусложными основами на *a*.

Заслуживает внимания тот факт, что стяженные основы на *a*, как и односложные имена, склоняются во всех диалектах и говорах водского языка только по типу множественного числа на *i*.

Основы на *ä*

Более ранний и фонетически закономерный тип множественности представляют формы с кратким *i*. В инструктиве вследствие вокализации конечного *n* появляется ожидаемый *i̇*-вариант. Ниже приводятся примеры безударного положения из западноводского диалекта: VKÄH¹ *pezizä* 160 'в гнездах', NVK *silmilt vällä* 10 'с глаз долой', VKTO I *üviz* 52 'в хороших', WS *emiljē* 35 'матерям', MГВ Jarv, Ma, Pum *leh-mile* 249, 260, 282 'коровам'. В инструктиве *in* > *i̇*: западновод. WS Pum *jekapäivī* 8 'каждый день', VKÄH² *nelli värtsi* 97 'с четырьмя мешками', VM *üvi* 5 'хорошо', *palavis päivi* 7 'от всей души (дословно: в жаркие дни)'; восточновод. LK *üvi* 'хорошо'. Примеры с кратким *i*, если не принимать во внимание закономерные генитив и партитив мн.

числа (*seppiĳē* 'кузнецов', *seppiä* ~ *seppiä* 'кузнецов'), отсутствуют в восточноводском диалекте полностью. В ударном положении формы на *i* встречаются относительно редко, например, западновод. LK Kat *läsivissä* 'из больных'.

Множественное число на *i* с сильной ступенью чередования характеризуется конечным гласным *ī* (в говорах также $\dot{i} < \bar{i}$), например, в безударном положении западновод. LK Ma, Jarv *leppiä* 'в ольхах', VKG *seppiissä* 52 'из кузнецов'; восточновод. LK Mah *leppiissä* 'из ольх', *peššizä* (: ед. число *pezäzä*) 'в гнездах'; в ударном положении западновод. LK Kat, Pih, Ild *pēnepīlē(sē)* 'меньшим'; восточновод. LK *värttänitā* 'веретена'. $\bar{i} > \dot{i}$: LK Jōg *lehmile* 'коровам', *ärtsile* 'быкам'.

Множественное число с признаком *oi*, с задним гласным в виде исключения, свойственно тем двусложным основам на *ä*, в первом слоге которых есть дифтонг *ei*. Очевидно, под его диссимилирующим влиянием конечный гласный основы множественного числа *i* был заменен дифтонгом *oi*. При другом объяснении в словах с гласными переднего ряда *einä* 'сено', *leipä* 'хлеб' и *seinä* 'стена' нужно учитывать сохранение исходного склонения основ на *a* во множественном числе (ср. южноэст. *sain* 'стена', *hain* 'сено', *Leivu laib* 'хлеб'). Исключительные формы множественного числа водского языка NVK Ma *seinolē* 12 'стенам', Puh *einoi* 72 'сена', LK Kat *lepoi* 'хлебы' можно сопоставить с типом склонения на *u* ($< oi$) эстонского языка (*seinule*, *heinu*, *leibu*), причем их общее происхождение, учитывая близкое родство эстонского и водского языков, представляется вне всяких сомнений.

При различении исходного множественного числа на *i* и множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования нужно учитывать, какое окончание имеет основа: *o* или *oi*. Тогда упомянутая выше форма Ma *seinolē* соответствует типу более позднего происхождения VKG 49 *einoissa* 'из сен', *seinoilē* 'сенам'.

Формы множественного числа на *ei* от слов на *jä* со значением действующего лица, которые встречаются в народных песнях, в какой-то степени напоминают дифтонгический тип склонения стяженных именных основ на *ä* (см. ниже), например, западновод. VL Lem *tšülvetteli-jeiltä* 8 'от купающихся', *sännüttelijeinä* 9 'роженицами', SKVR IV : 3 *ülentäjeitā* 102 : 18 'преодолевающих'. Совершенно ясно, что такой тип склонения возник под влиянием множественного числа на *ei* ($\sim \dot{e}i \sim ei$) от основ на *a* (*laulajeilē* 'певцам' и др.). В настоящее время эти архаичные формы сохранились лишь в языке народных песен, причем значение множественности в них часто затемнено¹⁵, раньше же они были передневокальными параллелями множественности на *ei* от слов на *ja* со значением действующего лица. Представляется очевидным, что эти формы, в позиции второстепенного ударения толкуемые как формы множественного числа на *i*, а не множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования, возникли в водских народных песнях по аналогии. Во всяком случае здесь не может быть и речи о происходящем из прибалтийско-финского праязыка типе *külvettäjä + *i* $>$ *külvettäjei*-, так как склонение основ на *ä* последовательно указывает на тип множественности с признаком *i* (*lehmile* ~ *lehmile* 'коровам', а не *lehmele* ~ *lehmeile*).

¹⁵ Например, в плачах С. Кузьминой часто встречаются формы действующего лица на *ei* и *ei*, которые на эстонский язык переведены единственным числом, см. P. Ariste, *Vadjalaste laule*, Tallinn, 1960, стр. 8—9.

Стяженные именные основы

К стяженным именам с основой на *ä* относятся прилагательные на *eä* и существительные, которые склоняются также, как эти прилагательные; номинатив единственного числа у них обычно оканчивается на *iä*, реже *eä*, например, *pimiä* (~*pimeä*) (< *pimedä) 'темный', *eliä* 'светлый', *pehmiä* 'мягкий', *seltsiä* 'ясный', *ülpiä* 'гордый, озорной', *äpiä* ~ *äppiä* 'стыд', *tšünteliä* 'свеча' и др.

Основа множественного числа закономерно оканчивается на дифтонг *ei* или развившийся из него *ī*: западновод. LK *Kat pimeillä* 'у темных', VKÄN¹ *pehmeilē* 148 'мягким'; западновод. VKÄN¹ *ülpile* 149 'гордым', *jämīssä* 149 'из грубых'; восточновод. LK *Maḥ piḿmitä* 'темные', *pehmitä* 'мягкие'. Тип склонения на *i*, который известен также в некоторых ижорских и финских диалектах¹⁶, очевидно, возник после перехода *eä* > *iä* под влиянием форм единственного числа.

В кракольском говоре употребляется тип с задним гласным *valkā*: *valkait* 'белый: белые' как параллель формы на *äi*, например, EK 31 *seltsäit vasussit* 59 'ясные ответы'.

Следует подчеркнуть, что имена на *eä* в водском языке в целом во множественном числе сохраняют тип склонения на *i*.

Основа на *e*

Основа множественности имен с основой *e* уже в прибалтийско-финском праязыке имела такой звуковой облик, как у слов с основой на *ä*. Краткий *i* свидетельствует о сохранении исходного множественного числа с признаком *i*. В инструктиве *in* > *ī*.

Безударное положение: западновод. VKG *naizissa* 55 'из женщин', *lumissa* 53 'из снегов', *tšäzissä* 53 'из рук', *kerzissa* 53 'из соломинок', VKÄN² *serminä* 87 'пальцами', NVK *keikiḷē* 12 'всем', WS *pelviltä* 25 'со своих колен'; в четырехсложных NVK *sukulaississa* 183 'из родственников', VM Lem *iññehmizil* 8 'у людей', VKG *vaddalaizissa* 55 'из воды (мн. число)'; восточновод. LK *naiziza* 'женат', NVK *veldissig* 128 'братьями', *keitsilē* 140 'всем', *sarvissa* 134 'из рогов'. Примеры множественного числа на *i* в ударном положении зарегистрированы только в западноводских говорах: VKG *sēmenissä* 55 'из семян', *vettimissa* 55 'из ключей', NVK *opezilē* 131 'лошадям'.

В инструктиве конечный *n* подвергся вокализации (*in* > *ī*): западновод. VM Lem *keikiḷ menti* 16 'все пошли', *ävi mieti* 24 'с удовольствием', VKÄN¹ *tšäzi* 97 'рукой, вручную', VKÄN² *eittāp pelvi* 97 'становится на колени', *kūzi vōzi* 97 'в шесть лет'; также в ударном положении, например, VKÄN² *keḷmē tšümmeñi kopeikō* (*vetti naglassa*) 97 'тридцать копеек (взял за фунт)'.

Признак множественности *i* часто отсутствует в слове *ühsinā* 'один', когда в потоке речи употребляют форму: VM *Ma üqsnā* 50, LK *Kat ühsnā*.

¹⁶ А. Лаанест, Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование, Таллин 1966, стр. 112; E. Lindén, Kaakkois-Hämeen murteiden äännehistoria II. Vokaalisto, Helsinki 1944, стр. 41.

Множественное число на *i* с сильной ступенью чередования характеризует конечный гласный основы $\bar{i}$, в некоторых говорах также $\dot{i}$ ($< \bar{i}$), например, в безударном положении западновод. VKG *naisissa* 55 'из женщин'; VKÄH¹ *sipizä* 160 'в крыльях', NVK *tšässilte* 65 'с руки', *keikkilē* 'всем', в четырехсложных: WS Рум *pojokkeisissa* 7 'из сыночков', VKG *vaddalaisissa* 55 'из воды (мн. число)'; восточновод. LK Маh *sipillä* 'на крыльях', *mehhilē* 'мужчинам'; в четырехсложных: LK Маh *pikkaraisilē* 'маленьким'; в ударном положении западновод. VKG *sinizissä* 55 'из синих', NVK *tüttäriš sāb* 76 'из дочерей получится'; восточновод. NVK Itš *epezilē* 130 'лошадям'. $\bar{i} > \dot{i}$: западновод. VM Луh *keikkil* 85 'у всех', LK Jōg *tähtiš* 'из звезд'.

Стяженные именные основы

Основы на *eṛe*, *epe* и *he*, *he*

В настоящее время основа единственного числа слов на **k*, **h* и **s* оканчивается долгими гласными $\bar{e} \sim \bar{e}$, $\bar{i}$, $\bar{a}$, $\bar{ä}$, например, *sitē-ssä* (: *sie* 'связь'), *ampā-ssa* (: *ammaz* 'зуб') и др. Но если учесть сравнительное сходство склонения их и соотносимость их с основами на $e \sim e$ прибалтийско-финского праязыка, нет смысла рассматривать их отдельно как основы на *e*, *i*, *a* и $\bar{ä}$.

В стяженных именных основах промежуточный согласный компонент **y* или **h*, как правило, исчез, а возникший позже дифтонг в большинстве случаев сохранился; например, западновод. VKG *sitēissa* 56 ($< *siteyista$) 'из связей', VKÄH¹ *paiseissa* 148 'из опухолей', *ampaiza* 148 'в зубах', *kunikkailla* 148 'у королей', VRMK Ма *rakkeilla* 15 'у срубов'; восточновод. LK Маh *ōngita* 'комнаты', *Kos perseitä* 'задние части', *seipäitä* 'колья', *ehsakkaita* 'сучковатые'. В словах на *iz* исчезновение *h* привело к возникновению долгого *i* (*ihi* $>$ *i-i* $>$ $\bar{i}$), который таким остался, например, западновод. VKG *rattissa* 56 'из амбаров', VL *kallit* 9 'дорогих', SKVR IV : 3 *kaunilta goittanoilta* 105 : 18 'с красных шелковых лент'. Но как в именах на *eda*, *eä*, так и в основах на *e* иногда может выступать $\bar{i}$ на месте более раннего дифтонга *ei* $\sim$ *ei*. Формы на $\bar{i}$ обычны для восточноводского диалекта, например, LK Маh, Klii *tšervillä* 'у топоров', *persitä* (: *perzeo*) 'задние части', *tervillä* 'у целых', *ernitä* 'горохи'. Очевидно, склонение базируется здесь на основе единственного числа с признаком *i* слов, оканчивающихся на **k* ($e-e > \bar{e} > ie > \bar{i}$), что встречается и в номинативе множественного числа, например, *lähtid* 'источники', *paisid* 'опухоли'. Переход $\bar{e} > \bar{i}$, между прочим, произошел и в некоторых диалектах ижорского языка (*sittid* 'связи' и др.)¹⁷, хотя их прямое влияние в данном случае не играет роли. Возникший с исчезновением промежуточного согласного дифтонг не смог сохраниться также в следующих случаях: МГВ Kōgv *rakēsī* 212 'в гужовки', NVK Кат *vęrazi* 16 'на чужбину', Jōg *vęrezī* 131 то же, Itš *vęrazi* 130 то же. В первом примере произошло изменение

¹⁷ А. Лаанест, Ижорские диалекты, стр. 84—85; V. Porgka, Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte, Helsinki 1885, стр. 73.

$ei > \bar{e}$, в других потеря второго компонента дифтонга вследствие $ai > a$ и $ai > a > e$. Потеря второго компонента секундарным дифтонгом в водском языке — явление редкое, но в данном случае речь идет не о парадигме множественного числа слова *vēraz*, а лишь о падежной форме, превратившейся в наречие, развитие которой шло своим путем.

Несмотря на фонетическое разнообразие форм множественного числа у основ на *eʷe*, *eʷe* и *he*, *he*, все они принадлежат к одному типу склонения — группе исходного множественного числа на *i*.

Основы на *de*, *de*

В формах множественного числа этой группы слов еще в прибалтийско-финском праязыке произошел переход $ti \sim \delta i > si$. Закономерные формы с сибилантом сохранились только в отдельных именах и то не в объеме всей парадигмы. Например, VKÄH¹ *gluzia* 149 'пиво (винит. мн. числа)', VKG *kõlluzia* 57 'умерший', *lühüziä* 57 'короткие'; в них *s* закономерно превратился в *z*. Этому типу близка восточноводская форма LK Маh *jõrunnuisia* 'пьяных', где дифтонг возник или по аналогии со словами на *inen* (:ise) или в результате контаминации *kõlluzia* + *kõlluita*.¹⁸ Последним упомянутый тип на *ui*, склонение которого базируется на формах единственного числа с окончанием основы *иде $\gg \bar{u}$ (*kõllū-ssa* 'об умершем'), известен во всех диалектах водского языка: западновод. VKG *ilozuissa* 57 'из красот', VKÄH¹ *tšättšüizä* 149 'в люльках, в колыбелях', VRMK Ма *kõlluita* 160 'умерших'; восточновод. LK Маh *jõrunnuissig* 'пьяницами', *lühüitä* 'короткие'. Но кое-где употребляется и основа множественного числа на *ei*, особенно в причастиях. П. Аристе упоминает формы типа *lühüd* 'короткий': *lühei-*, *kõllid* 'умерший': *kõllei-* в кракольском говоре, где, «вероятно, --- мы имеем дело с примером ижорских говоров».¹⁹ В восточно-водском диалекте и Куровицах (Kukkuzi), где эти формы широко используются и развиваются, нужно учитывать и влияние финских говоров: восточновод. LK Kõs *juorunneita* 'пьяных', Kuk *kõllei* 'умерших'.

Основы на *de*, *de*, несмотря на то, что их склонение часто базируется на возникшем позже типе единственного числа с основой на $\bar{u}$ или $\bar{e}$, тоже относятся к группе исходного множественного числа на *i*. Единственное исключение здесь составляет форма со смешанной основой VKÄH² *pelennuisl̄e* 157 'погоревшим', которая относится к типу множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования, как например, слово на *nen : *se-* с основой на *e*: *sinin* : *sinizl̄e* 'синий : синим'.

Основы на *i*

Формы множественного числа у слов с основой на *i* давно совпали с формами единственного числа, поэтому в настоящее время в отношении этой группы исходное множественное число на *i* не употребляется. Множественность отличают или при помощи форм множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования или множественного числа

¹⁸ E. N. Setälä, Yhteissuomalainen äännehistoria I—II, Helsinki 1891, стр. 69; L. Kettunen, Vätjän kielen äännehistoria, стр. 157.

¹⁹ P. Ariste, Vadja keele grammatika, стр. 57.

на *a* (*kottïssi* ~ *kottaissi* 'мешками'), которая для западноводского диалекта более свойственна. Возможно, что в прошлом столетии исходное множественное число с признаком *i* сохранялось как рудимент, о чем говорит записанная Э. Ленротом форма из народной песни SKVR IV:3 *poisile üvile* 4616:15 'мальчишкам хорошим'.

Во всех подударных положениях форм множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования перед падежным окончанием стоит гласный *ï*. Безударное положение: западновод. VM Lem *ilma nännittä* 33 'без груди', LK Kat *ilmä vokkitta* 'без прялок', *villissä* 'из диких'; восточновод. LK Mah *kepillä* (: ед. число *kepillä*) 'у палок', *kuppissa* 'из чашек', *pillillä* 'у музыкальных инструментов'. Ударное положение: западновод. NVK *jögerile* 63 'охотникам', LK Kat *kasurilla* (: *kasuri*) 'у кос для кустарника'; восточновод. LK *kurasilla* 'у ножей'.

Основы на *u*, *ü*

В ходе развития форм множественности у слов с основой на *u*, *ü* в дву- и четырехсложных именах произошло исчезновение второго компонента дифтонга, в результате чего пропала разница между единственным и множественным числом (**linnuilla* > *linnulla* 'у птицы, у птиц'). Функция множественности была восстановлена в основном так же, как у основ на *i*: при помощи множественного числа на *i* с сильной ступенью чередования или признака *a*, *ä* (*lintuilla* ~ *lintailla* 'у птиц'), при преимуществе типа множественности на *i* с сильной ступенью чередования. В некоторых говорах отличается своеобразием парадигматическое чередование генитива множественного числа на *i* и партитива множественного числа на *a*, например, LK Ild ген. *lintujē* 'птиц', *tširppujē* 'блох', но парт. *lintai* 'птиц', *tširppai* 'блох'. Возможно, что подобное чередование существовало и в других основах слов. Дифтонг в подударном положении — первоначален, например, *tapettuita* 'убитых', но по примеру двусложных имен вообще фигурируют формы с сильной ступенью чередования (*tapettuissa* 'из убитых' и др.).

Примеры двусложных слов на *u*, *ü* с множественным числом на *i* с сильной ступенью чередования, что обычно характеризует дифтонги *ui*, *üi*: западновод. VKÄH¹ Kat *lintuilla* 161 'у птиц', *müttüissä* 161 'из узлов', NVK *püssüiss* 155 'из ружей'; восточновод. LK Mah *pippuissa* 'из трубок', *kaŗruilē* 'медведям'. В районе влияния ижорского языка произошло развитие *ui* > *ü*, *üi* > *ü*, например, LK Jōg *püssüssä* (: ед. число *püssüssä*) 'из ружей'.

Основы на *o*, *oi*, *ei*

Различие между единственным и множественным числом у имен на *oi* и *ei* отсутствовало уже в прибалтийско-финском праязыке, водские же слова на *o* присоединились к этой группе лишь после потери второго компонента дифтонга в безударном положении (**pelloilla* > *pellolla* 'на поле, на полях'). В западноводском диалекте в настоящее время в них доминирует множественное число на *a*, наоборот, в восточноводском диалекте, где множественность на *a* неизвестна, преобладает множественное число на *i* с сильной ступенью чередования (*peltoilla* ~ *peltailla* 'на полях'). Фонетически закономерное выступление без диф-

тонга редко, оно ограничивается лишь инструктивными и другими случаями, близкими наречиям, например, VKÄH¹ инстр. *tuhattēmī kuvō* 153 (<on) 'тысячью пучков', LK Jarv *lehtoza on matai* 'в листьях есть черви'. В ударном положении сохранение дифтонга закономерно, например, LK Kat *ehtagoilla* 'вечерами'. Однако часто сильная степень слов, в которых происходит чередование ступеней, показывает, что трехсложные имена, составляющие меньшинство группы слов, приспособились к возникшему позже типу.

Основа множественного числа на *i* с сильной степенью чередования оканчивается дифтонгом *oi* или *ei*. Безударное положение: западновод. NVK *pojoile* 74 'сыновьям', LK Jōg *peltoile* 'полям', *verkkois* 'из сетей'; в четырехсложном LK Jōg *tütterikkois* 'из дочерей'; восточновод. LK Mah *orkoissa* 'из долин', *salkoile* 'жеребятam', *tšakkoilta* 'от кукушек'; в четырехсложном LK Mah *kupalikkoiza*. Ударное положение: западновод. LK Kat *nōrikkeile* (: ном. мн. числа *nōrikep*) 'невестам'.

Из изложенного видно, что в водском языке только исходное множественное число на *i* характерно для односложных и стяженных именных основ. При основах на *a*, *ä* и *e* его еще употребляют местами, в основном в западноводских говорах, а слова с основами на *i*, *u* ~ *ü* и *o*, *oi*, *ei* почти без исключения перешли на позже возникшие типы образования множественного числа.

Не учитывая наречия и другие близкие им случаи, находящиеся в особом положении, и удлинение конечного гласного основы из-за происшедшего в инструктиве изменения *n* > гласный (*n̄n samoin* > *n̄samō* 'так просто' и др.), получим следующую схему основных типов исходного множественного числа на *i* и множественного числа на *i* с сильной степенью чередования.

Если учитывать, что во множественном числе на *i* с сильной степенью чередования в отдельных говорах дифтонг развился в долгий гласный (*oi* > *ō* и др.), а полные долгие гласные стали полудолгими (*ō* > *ò*, *ĩ* > *ĩ̄* и др.), то общая картина типов множественного числа на *i* в водском языке несколько усложнится. Однако различие исходного множественного числа на *i* и множественного числа на *i* с сильной степенью чередования на основе формальных признаков произвести нетрудно, особенно в безударном положении, где множественное число на *i* всегда характеризует краткий гласный. В ударном положении признаку множественного числа в позже возникшем типе соответствует *ĩ* (*ĩ̄*) или дифтонг. Включение примеров последнего типа без чередования ступеней (*akanoissa* 'из мякин' и др.) в группу исходного множественного числа на *i* или на *i* с сильной степенью чередования возможно лишь косвенным путем, основываясь на том, в каком типе множественности употребляются в соответствующем говоре слова с чередованием ступеней.

Основа слова Ударное или безударное положение	Мн. число на <i>i</i>		Мн. число на <i>i</i> с сильной степенью чередования		
	Конечный гласный или дифтонг основы мн. числа	Примеры	Конечный гласный или дифтонг основы мн. числа	Примеры	
	Односложные именные основы				
	<i>ai, oi, ii</i> и др.	<i>maissa</i>	—	—	
	Дву- и многосложные именные основы				
а безуд. уд.	<i>oi</i> -ево мн. ч.	<i>o</i> <i>oi</i>	<i>jalgossa</i> (с ног) <i>kannikoissa</i> (из ломтей)	<i>oi</i> <i>oi</i>	<i>jalkoissa</i> (с ног) <i>kannikkoissa</i> (из ломтей)
безуд. уд.	<i>ei</i> ~ <i>i</i> -ево мн. ч.	<i>e</i>	<i>poigessa</i> (из сыновей)	<i>ei</i>	<i>poikeissa</i> (из сыновей)
безуд. уд.		<i>ei</i>	<i>luzikkeissa</i> (из ложек)	<i>ei</i>	<i>luzikkeissa</i> (из ложек)
безуд. уд.		<i>i</i>	<i>emissa</i> (из своих)	<i>i</i>	<i>emissa</i> (из своих)
<i>eä</i>	<i>i</i>	<i>laulajissa</i> (из певцов)	<i>i</i>	<i>laulajissa</i> (из певцов)	
	<i>ei</i>	<i>valkeissa</i> (из белых)	—	—	
ä безуд.	<i>i</i>	<i>lepissä</i> (из ольх)	<i>i</i>	<i>leppissä</i> (из ольх)	
	<i>o</i>	<i>seinossa</i> (из стен)	<i>oi</i>	<i>seinoissa</i> (из стен)	
уд.	<i>i</i>	<i>läsivissä</i> (из больных)	<i>i</i>	<i>läsivissä</i> (из больных)	
	<i>ei</i> ¹	<i>tšülvettelijeiltä</i> (от купающихся)	<i>ei</i> ¹	<i>tšülvettelijeiltä</i> (от купающихся)	
<i>eä</i>	<i>ei, i</i>	<i>pehmeitä</i> ~ <i>pehmitä</i> (мягких)	—	—	
е безуд.	<i>i</i>	<i>keikissa</i> (из всех)	<i>i</i>	<i>keikkissa</i> (из всех)	
уд.	<i>i</i>	<i>sēmenissä</i> (из семян)	<i>i</i>	<i>sēmenissä</i> (из семян)	
<i>eue, eue</i>	<i>ei, ei</i> ~ <i>i</i>	<i>paiseissa</i> ~ <i>paissä</i> (из опухолей)	—	—	
<i>ehe, ehe</i>	<i>ei, ei</i> ~ <i>i</i>	<i>tšerveissä</i> ~ <i>tšerviissä</i> (из топоров)	—	—	
—	<i>i</i>	<i>rattissa</i> (из амбаров)	—	—	
	<i>ai</i>	<i>ampaissa</i> (из зубов)	—	—	
	<i>äi</i>	<i>seipäissä</i> (из колев)	—	—	
<i>eöe, eöe</i>	<i>uzi, uizi</i>	<i>kõlluzia</i> ~ <i>kõlluzia</i> (умерших)	—	—	
	<i>ui</i>	<i>kõlluissa</i> (из умерших)	—	—	
	<i>ei</i>	<i>lühessä</i> (из коротких)	—	—	
i безуд.	—	—	<i>i</i>	<i>keppiissä</i> (из палок)	
уд.	—	—	<i>i</i>	<i>jēgeriissa</i> (из охотников)	
и, ü безуд.	—	—	<i>ui, üi</i>	<i>lintuissa</i> (из птиц)	
уд.	—	—	<i>ui, üi</i>	<i>tapettuissa</i> (из убитых)	
о, oi, ei уд.	—	—	<i>oi</i> ~ <i>ei</i> <i>oi</i> ~ <i>ei</i>	<i>verkkoissa</i> (из сетей) <i>nõrikkissa</i> (из невест)	

¹ Употребляется только в народных песнях. В словах без чередования степеней отсутствует разница между исходным множественным числом и множественным числом на *i* с сильной степенью чередования.

Сокращения

МГВ — Я. Я. Ленсу, Материалы по говорам воды. — Западнофинский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран 16, Ленинград 1930; **ЕК 31** — Eesti Keel, Tartu 1931; **НVK** — Т.-R. Viits, Hilisgeminaatsoonist vadja keeles. — Töid läänemeresoome ja volga keelte alalt, Tallinn 1964; **KKI** — Словарная картотека в Институте языка и литературы АН ЭССР; **ЛК** — Собрание рукописей Л. Кеттунена (Хельсинки); **NVK** — L. Kettunen, L. Posti, Näytteitä vatjan kielestä (= MSFOu LXIII), Helsinki 1932; **SKVR IV:3** — Suomen Kansan Vanhat Runot IV, 3. Vatjalaiset runot, Helsinki 1928; **VH** — V. Alava, Vatjalaisia häätäpoja, häälauluja ja -itkuja (= Vähäisiä kirjelmiä XLII), Helsinki 1908; **VKG** — P. Ariste, Vadja keele grammatika (= Nõukogude Soome-ugri Teadused 9), Tartu 1948; **VKTO I** — M. Airila, Vatjan kielen taiputusoppi I. Nominien taiputus (= Vähäisiä kirjelmiä LXXXII — Eripainos Suomi V, 17:stä), Helsinki 1934; **VKÄH¹** — L. Kettunen, Vatjan kielen äännehistoria (= Eripainos aikakauskirjasta «Suomi»), Helsinki 1915; **VKÄH²** — L. Kettunen, Vatjan kielen äännehistoria. Toinen, uusittu painos, Helsinki 1930; **VL** — P. Ariste, Vadjalaste laule, Tallinn 1960; **VM** — P. Ariste, Vadja muinasjutte, Tallinn 1962; **VRMK** — Vadja rahvajutte Mati külast. — KKIU II, Tallinn 1958; **WE** — J. Mägiste, Woten erzählen. Wotische Sprachproben (= MSFOu 118), Helsinki 1959; **WG** — A. Ahlqvist, Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning, Helsinki 1856; **WS** — P. Ariste, Wotische Sprachproben. — ÖESA 1933, Tartu 1935.

Ild — Ildovõo, **Itš** — Itšäpäivä, **Jarv** — Jarvigoištsülä, **Jõg** — Jõgõperä, **Kat** — Kattila, **Klii** — Kliimettina, **Kos** — Koslova, **Kuk** — Kukkuzi, **Kõrv** — Kõrvõttula, **Lem** — Lempola, **Luu** — Luutsa, **Ma** — Mati, **Mah** — Mahu, **Pih** — Pihlaala, **Pum** — Pummala.

PAUL ALVRE (Viljandi)

VOM *i*-PLURAL IM WOTISCHEN

Die Pluralbildung im gegenwärtigen Wotischen ist recht kompliziert. Der ursprüngliche *i*-Plural ist in vielen Worttypen vom starkstufigen *i*-Plural oder von den mit *a* ~ *ä*, *loi* ~ *löi* und *lai* ~ *läi* gebildeten Formen verdrängt worden.

Der Autor des Artikels behandelt eingehend die *i*-Pluralbildung im Wotischen und zieht die Parallele mit dem lautlich nahestehenden starkstufigen *i*-Plural. Eigenartig sind die unregelmäßigen *ei*-Formen der mit dem Suffix *jä* gebildeten *nomina agentis* (*tšülvetteliijeiltä* 'Badende', Abl. Pl.), die unter dem Einfluß der Pluralformen der auf *ja* auslautenden hintervokalischen Wörter (*launajelata* 'Sänger', Abl. Pl.) entstanden sind.

Der ursprüngliche *i*-Plural ist allen einsilbigen und kontrahierten Nomina eigen. Im Falle der *a*-, *ä*- und *e*-Stämme wird er noch zuweilen hauptsächlich in westwotischen Dialekten gebraucht; bei den *u*-, *ü*- und *o*-, *oi*-, *ei*-Stämmen dagegen werden fast ausschließlich die später entwickelten Pluraltypen angewandt.

Die dem Artikel angeschlossene Tabelle bietet eine klare Übersicht der Haupttypen der ursprünglichen und starkstufigen *i*-Plurale des Wotischen.

Man ersieht, daß die Unterscheidung des ursprünglichen und des starkstufigen *i*-Plurals auf Grund der Formenmerkmale leicht durchführbar ist. Die einzige Ausnahme, wo man bei der Analyse eine indirekte Methode anwenden muß, bilden die drei- und fünfsilbigen stufenwechsellosen Wörter, deren Pluralstamm mit einem Diphthong endet (*akanoissa* 'der Spreu', El. Pl.).